Александр Борисович БУШЕВ

ЭПОХА ПЕРЕСТРОЙКИ ГЛАЗАМИ ИСТОРИКОВ: СТРАТЕГИИ ОПИСАНИЯ

Статья базируется на материале дневниковых книг трех историков: один из них – профессиональный преподаватель вуза, второй – начальник Аналитического управления КГБ СССР, третий – региональный, а затем центральный партаппаратчик. Материал позволяет посмотреть, одинаковы ли их оценки, какие риторические стратегии они используют для описания одного и того же исторического времени, каковы цели написания мемуаров, каковы саморепрезентации, перспективные планы. Данное выступление базируется и на давнем интересе автора к эго-документам и дневникам, предназначенным для публичного чтения, в особенности периода кардинальной смены социальной жизни в нашей стране в эпоху после 1991 года.

Ключевые слова: *перестройка, мемуары историков, аргументация, КПСС в начале 90 годов, советское общество.*

Alexander B. BUSHEV

PERESTROIKA VIEWED BY HISTORIANS: STRATEGIES OF DESCRIPTION

The paper is based upon diaries of three professional historians of different ranks and positions describing perestroika. The material allows comparing their assessments and self-representations. Of interest is the fact that these ego-documents were aimed at publication for the broad public. The manuscripts under study demonstrate social changes in Russian society after perestroika.

Keywords: *perestroika, memoirs of historians, argumentation, Communist Party in Russia in the 1990ies, Soviet society.*

1. Эпоха и материал

Безвременье получает много дефиниций в различных словарях. Мы будем исходить из такой: безвременье – это тяжелые времена и предчувствие серьезных перемен. Одним из таких этапов явился заключительный этап перестройки (1985-1991), который привел к тому, что мы стали жить в другой стране.

Сегодня этот этап отступает от нас в историю. Это повседневность, становящаяся историей. Срок в двадцать пять лет – срок жизни одного социологического поколения, срок, когда в общественную жизнь входят люди, знающие эту эпоху только по книгам и рассказам, и в то же время продолжают свою деятельность люди, жизнь которых эта эпоха изменила – это и есть повседневность, становящаяся историей.

Попытки отрефлектировать историю постсоветского времени предпринимают историки и журналисты: Л. Млечин, Л. Плохий, Р. Медведев, В. Данилов… Статья последнего даже называется «Перестройка глазами шестидесятника-крестьяниноведа». В то же время, например, в книге А. Гуревича «История историка» нет комментариев по поводу обвала СССР. Современная эпоха оставила равнодушными таких историков, как М. Гефтер или М. Геллер… Ее – в силу противоречивости и обвальности перемен – кратко комментируют авторы учебников по истории и государству и праву В. Согрин, В. Шестаков, С. Кара-Мурза… Политический истеблишмент написал мемуары, где представил свое видение эпохи –

В. Широнин, А. Яковлев, помощники М. Горбачева А. Черняев и Г. Шахназаров. Книги написали практически все политические деятели тех лет: Б. Немцов, А. Чубайс, Е. Гайдар, И. Хакамада, И. Рыбкин, А. Лукьянов, Р. Хасбулатов и др.

В нашем докладе используются синхронные эго-документы нон-фикшн – дневники трех профессиональных историков, предназначенные для публикации. Их рефлексия над переменами особенно интересна: историки как наиболее индоктринированная часть социалистического государства не вкушала идеологический продукт, а сама принимала участие в его разработке. Историки в своих писаниях о коренном сломе государства предстают как государственники. И в то же время, несмотря на клятвенные заверения в объективности, в эго-документах наличествуют субъективные оценки эпохи, что тоже интересно.

О коренной смене менталитета свидетельствуют и сами названия обсуждаемых нами книг – «Лихолетье», «Против течения», «Погружение в бездну», «Крестный путь России» (ср. «Россия во мгле»).

Вспомним контекст эпохи. В описываемое время впервые дискурс оппозиции представлен в СМИ, впервые леворадикальный и праворадикальный дискурс представляются проявлениями политического дискурса в пространстве масс-медиа. Нет смысла говорить о политическом дискурсе советского времени при однопартийной системе: всем жившим в то время памятны сообщения «В Политбюро ЦК КПСС», передовицы журнала «Коммунист». Критический дискурс был представлен голосами, которые глушились, самиздатом, неформальным дискурсом кухонь. Существовала цензура, налицо было подчинение СМИ дискурсу всепроникающего партийного аппарата. Все мы прекрасно помним горбачевскую гласность, когда разрешили говорить о проблемах. Сам лидер говорил без бумажки. На те годы пришлись Съезды народных депутатов. Страна бурлила. Показательно отсутствие цензуры на ТВ. Возрождался подзабытый парламентаризм. Радикальные изменения привели к политическим процессам децентрализации, распада СССР. Начатые по инициативе сверху, во второй половине 1989 года перемены выходят из-под контроля властей. Трудности в экономике перерастают в полномасштабный кризис: в 1989 году экономический рост резко замедляется, а в 1990-м сменяется падением. Происходит катастрофический обвал жизненного уровня населения: реальностью советского общества начала 90-х становятся массовая нищета и безработица. Достигает апогея товарный дефицит. С 1990 года основной идеей становится уже не «совершенствование социализма», а построение демократии и капитализма (легализируется частная собственность, создаются биржи, появляется бизнес). СССР перестает быть сверхдержавой. Начинается парад суверенитетов. Ликвидируются КПСС и СССР (Безбородов и др. 2010).

Авторы эго-документов

Обсуждаемые нами авторы – сами участники тех событий.

Первый автор - бывший декан исторического факультета СПбГУ И.Я. Фроянов (Фроянов 2001). Обратим внимание на оценочность рассказов об И.Я. Фроянове на одном из сайтов в Интернете:

«В *мрачные* годы приватизации России «пятой колонной» Игорь Фроянов осмысливает истоки и причины *предательства великой державы*. В 1997 году выходит в свет его книга «Октябрь семнадцатого. Глядя из настоящего». В 1999 году И.Я. Фроянов публикует работу «*Погружение в бездну*. Россия на исходе XX века». Эта публикация явилась первым в России фундаментальным научным исследованием истории той *трагедии*, что была названа ее творцами «перестройкой». Обе книги получили широкую известность как среди патриотов, так и среди *либералов-космополитов*. Последние никак *не могли простить* русскому историку его смелость. И *не простили*».

Второй автор – Николай Сергеевич Леонов, имеющий бренд главного аналитика Лубянки (Леонов 2002, 2005). В одном из своих интервью в конце двухтысячных годов он заявил: «… Все мои 80 лет были отданы государству российскому. Никакой клановости, никакой партийности во мне не было».

В тоже время автор был членом КПСС, заявлял: «Размышляя над судьбой нашей страны, я исхожу из того, что человеческая мечта о равенстве родилась многие тысячелетия назад. Не большевики, не Маркс «изобрели» социализм. Корни человеческой мечты о равенстве и братстве уходят в древнее, а значит, подлинное христианство». Также отмечал: «Я остаюсь приверженцем социалистического строя, которому искренне служил всю жизнь. То, что не является продуктом человеческого труда — земля, вода, недра, леса и т. д., не может быть частной собственностью. Не могут быть отняты у общества и переданы в частную собственность огромные производства, обществом же созданные, а тем более целые отрасли экономики».

О кардинальных переменах в обществе, кроме Н. Леонова, написали книги его коллеги В. Крючков, Ф. Бобков, В. Варенников и члены ГКЧП, Н. Грушко, Ю. Дроздов, В. Кирпиченко, Л. Шебаршин. Книги Н. Леонова можно рассматривать как квинтэссенцию этого направления рефлексии над перестройкой.

Третий автор – Вячеслав Иванович Брагин – региональный партаппаратчик, попавший на работу в Москву (Брагин 2011). Траектория выдвижения В. Брагина такова: Бежецк – Тверь – Центральное телевидение. Закончил академию общественных наук при ЦК КПСС, защитив кандидатскую диссертацию (тема диссертации нигде не указана).

Об этом политическом деятеле поэт Г. Иванов на сайте В. Брагина пишет: «Можно сказать, что именно особое чувство историчности события вынесло деятельную натуру Брагина в самую гущу перемен в России в 90-е годы. Он, безусловно, был одним из тех, кто их приближал и торопил, а потом был активным участником общероссийского политического процесса. Так что история в нём отразилась вполне, а он в ней воплотился. В той мере, в какой Бог дал». Показательная метаморфоза замечена всеми биографами В. Брагина: «Не только в масштабах Твери по-своему ярким событием было решение первого секретаря Центрального райкома КПСС В.И. Брагина передать только что отстроенное фешенебельное здание райкома партии под музыкальную школу. Теперь это одно из лучших учреждений культуры области. В центре Твери по инициативе и при личном участии В. Брагина в конце восьмидесятых годов, когда еще атеизм имел крепкие официальные

позиции, был возрожден древний храм Покрова Богородицы, в котором ранее располагалась база «Роспотребкооперации».

2. Методология исследования

Фрагменты дискурсов подвергаются интерпретации. Интересны логические и риторические аргументы авторов.

Феноменологическая социология известна в ее оппонировании структурно-функциональной социологии: индивид не является пленником социальной структуры, социальная реальность постоянно воссоздается нами, зависима от нашего сознания и наших интерпретаций. Соответственно в фокус внимания социологии должна попасть человеческая субъективность. Однако взгляд на нее в позиции внешнего наблюдателя как минимум непродуктивен, не позволяет «пробиться» к ее истокам. Следовательно, необходимо погружение в мир, в котором живет человек, т.е. в мир жизни или жизненный мир. Только в этом случае можно дать адекватное толкование, понять принципы конструирования (конституирования) мира и переистолковать, т.е. изменить его, что требует выхода на исходные основания всякого возможного опыта – знания – и требует, следовательно, освобождения нас от предвзятости видения, налагаемого реальной историей и культурой, в которой мы (некритически) социализированы. Сознание интенционально, оно всегда – о чем-то, оно вплетено в мир. Следовательно, любая адекватная своему предмету социологическая стратегия должна освободится о предвзятостей видения и обнаружить исходное значимое для всякого субъекта, но независимое от него (Абушенко 1999: 751).

На уровне политических лидеров исследовались такие вопросы, как восприятие себя и других, установки, ценности, представления, существующие в обществе. Представляет интерес формирование восприятия в условиях конфликта. Все многообразие действительности укладывается в рамки полярных понятий – «*победа или смерть», «свой - чужой», «мы - они», «хороший – плохой»*. Существуют зеркальные образы, приписывающее искажение.

Все это находит отражение в политическом дискурсе. Ю.В. Рождественский писал о риторической специфике конструирования социальных представлений в политическом дискурсе: журнальная литература и массовая информация построены на просеивании фактов и ряде уловок, связанных с разрывом отношений («*сам дурак», «мы с тобой чужие*», конструировании подозрений, игрой гиперболы и литоты, «навязанным следствием», «чтением в сердцах» и многими другими) (Рождественский 1997). Эти виды словесности эристичны по природе. Эристика хранит в себе пафос убеждения при отсутствии строгих аргументов, тогда как диалектика требует строгой аргументации. Журнальная и массовая информация относятся к видам словесности, где эристика входит в конструкцию текста, являются одновременно по своему складу и ориентирующими для перехода к действию. Поэтому без знания законов построения этих текстов получатель безоружен перед эристикой. Риторическая подготовка заключается не только в воспитании хорошего оратора, но и сознательного слушателя. Широкая аудитория не должна быть лишена возможности оценить спекулятивность применяемых средств.

3. Тексты

Среди приемов аргументации Н. Леонова обращает на себя внимание метафорика. Метафора выполняет тем самым свою номинативную функцию, создавая новый образ**.** Приведем примеры из его книги «Крестный путь России».

1. «Горбачев растратил политический капитал, выпустил из рук все основные рычаги управления страной, и, прежде всего средства массовой информации, и теперь беспомощно барахтался в потоке событий, увлекавшем его в гибельный водоворот».

2. «На Пленуме была потеряна последняя возможность сбросить с ног вконец изношенные горбачевские лапти и пойти, как встарь, босыми ногами по росистой траве».

3. «Б. Ельцин поднял знамя реставрации буржуазных порядков в России, а М. Горбачев вяло размахивал флагом сохранения социализма в реформированном виде».

4. «Руководители союзных республик довольно быстро сменили свои костюмы коммунистов-интернационалистов на националистические свитки, халаты, бешметы. Каждому хотелось, по старой поговорке, стать Иваном Ивановичем в своей деревне, чем оставаться Ванькой в городе. Давно известно, что проще всего можно зажарить для себя яичницу, разводя огонь межнациональных конфликтов. Их лидерам давно надел коварный, вертлявый Горбачев, но им внушал недоверие и напористый, бульдозерный характер Ельцина».

5. «Надо было хотя бы этим чуть-чуть поддуть газа в воздушный пузырь имиджа Горбачева, чтобы он хотя бы некоторое время поболтался в русском политическом пространстве».

6. «Спасти положение путем создания ГКЧП и демонстрации силы без намерения применить ее. Этот пример старческого эксгибиционизма будет долгие века оставаться темой для ехидства».

7. «Целого железнодорожного состава не хватит, чтобы загрузить бумажную макулатуру, в которую превратились истошные заклинания тысяч и тысяч экономистов, политологов, журналистов, уверявших, что общественную собственность на средства производства надо уничтожить именно потому, что тогда откроется безграничный простор для свободного расцвета экономики…»

8. «И творческая интеллигенция – самая горькая часть российского общества, несамостоятельная в своих взглядах, неустоявшаяся в морально-нравственных критериях, скорее склонная к сервильности власти, чем к естественной для нее роли полного достоинства оппонента, - ожидала, встав на задние лапки, своего кусочка сахара за исполненное цирковое представление в виде публичного сжигания своих партийных билетов».

Метафорика представляет и феномен косвенной оценочности. Так, смыслы, актуализирующие комичную оценочность, представлены в следующем тексте. Их лексические корреляты – метафоризированные фраземы:

9. «Ельцин пошел на разрыв с Горбачевым в 1987 г., заявив, что он стремится к ускорению перестройки. Это уже потом политическая стихия понесла его по пути мимикрии в «демократическое», а потом и открыто антикоммунистическое поле, где травы оказались и гуще и сочнее для

амбиций и карманов. М. Горбачев продержался на своих симпатиях к «социалистическому выбору» ровно до тех пор, пока эта позиция давала ему личные карьерные преимущества. Как только «социализм» оказался не кошельком в кармане, а камнем на шее, М. Горбачев сразу же отказался от него, а потом потихонечку, бочком-бочком пробрался в те же антикоммунистические пампасы, где и щиплет травку по сей день....»

Без труда выделив в вышеприведенном отрывке фразеологизмы и вообще метафоризированные фраземы, исследователь теории текста не может не отметить их функцию актуализации определенных смыслов комичной оценочности.

Действенной риторической стратегией аргументации является ирония. Порою ирония соседствует с неожиданным образом:

10. «Супруга американского президента просила передать Раисе Максимовне, что она все эти дни молилась за них, и вот, видите, помогло. Действительно, молитва из-за океана не пустой звук. Она придает уверенности и решительности».

Использование обсценной лексики, направленное на снижение пафоса – риторическая особенность дискурса:

Язык обсценизмов может характеризовать говорящего, выявлять его социальную позицию, давать социальный портрет, характеристику. Вот описание уличных сцен октября 1993 года Н. Леоновым:

11. «Школы не работают, банки закрыты. Очереди в магазинах раза в три длиннее обычных. Тверская перекрыта рядом баррикад, установленных капитально, с помощью техники. Видна работа Лужкова. Тяжелые грузовики-контейнеры, самосвалы с песком и т.д. «Защитников» немного, но это злющая молодежь. Я спросил одного на баррикаде, сооруженной между магазином «Армения» и бывшим зданием Всероссийского театрального общества: «От кого обороняемся?» – «От этого е... парламента! Мы им открутим шею!»

«А разве они идут сюда? – удивился я. – Они же блокированы в Белом доме!»

«Да пошел ты, дед, в п...!» – парень плюнул себе под ноги и отвернулся».

Зададимся вопросом – уместно ли использование обсценизмов? – и согласимся, что оно выполняет определенную стилистическую функцию. Обсценизмы могут иметь функцию демонстрации ситуации социального статуса, стиля, ситуации коммуникации.

В исследовании специфики массовой коммуникации (тексты политических выступлений), языковых средств информации и убеждения, рассчитанных на массовую аудиторию, в условиях важности сжатого представления информации и воздействия на слушателя, отсутствия возможностей контекстуальных предпочтений, подготовки и обдумывания проявляется специфика стилеобразующих факторов такого дискурса (Арнольд 2002): стереотипии в номинации. Роль стереотипии в передаче оценочности и воздействия несомненна. Предвзятость суждений, штампы и стереотипы мышления и речи, эмоциональная вербовка на стандарт – существенные риторические результаты работы этих стилеобразующих факторов.

В системе аргументации всех трех авторов обращают на себя внимание

смена идеологической платформы и принятие христианства, активное использование государственнического мифа, символизм и мифология заговора, упование на то, что история нас рассудит.

Посмотрим на средства создания отдельных смыслов.

Смысл «безвременье, неизвестность»

«Петров очень просто и умно рассказал о съезде, о своей области, третьей, подчеркнул он, в стране по производству промышленной продукции, о своих товарищах по работе. Потом стал говорить о планах на 1986-1990 годы, раскладывать задания по годам и сказал буквально следующее: «Нам здесь все ясно. Но вот как добиться выполнения этих цифр, мы не знаем»... У меня почти перехватило дыхание...Если не знает он, первый секретарь крупнейшей парторганизации, то что же знает многоликий безответственный съезд, поставивший нереальные задачи?».

Расставание с партийностью:

Все три автора кропотливо создавали свои карьеры, будучи членами ленинской партии. Но время и партия менялись. Отношение к покинутой партии демонстрируют разное: с партбилетом поколение шло на фронт, что немаловажно (Н. Леонов) до отрицания всех семидесяти лет бесхребетного коммунистического правления (В. Брагин).

Смысл «с партбилетом в церковь»

«После мучительных раздумий, осмыслений, нелегкого прозрения для себя сделал вывод, что единственная и надежная спасительница России, главная субстанция ее возрождения, базового состояния духа — это Русская Православная Церковь».

Монархизм

В результате своих «духовных поисков» переродившийся В. Брагин рекламирует монархизм:

«К периоду работы в Белом доме относится и начало моих контактов с Российским Дворянским Собранием, с наследниками Дома Романовых, Великими княгинями Леонидой и Марией... Когда они впервые прибыли в Москву, в столицу «Демократической России», власть струсила, опасаясь неблагоприятной политической реакции. Их отказались принять и Сергей Филатов, и Руслан Хасбулатов, и Борис Ельцин. Единственно, где они тогда были приняты на официальном уровне в Верховном Совете, — это был возглавляемый мной Комитет по средствам массовой информации...».

Защита русской культуры

Вот, например, отчет В. Брагина, выполненный им в манере рапорта на парткоференции:

«Отношу к своим несомненным личным достижениям:

— учреждение на Первом канале «Останкино» телепрограммы «Русский Мир»;

— участие в создании журнала «Родина»;

— прямое участие в проведении к 200-летию А.С. Пушкина коренных реставрационных и реконструкторских работ в музее-заповеднике «Михайловское» Псковской области;

— то же к 100-летию С.А. Есенина в музее-заповеднике в селе Константинове Рязанской области;

— создание единственного в России музея-квартиры священника Русской Православной Церкви, гениального мыслителя и мученика о. Павла Флоренского (Почетная Грамота Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго от 18 февраля 1998 года);

— активная поддержка Российского Дворянского собрания в период его становления и участие в организации первых визитов членов Российского Императорского Дома в Россию;

— членство в Правительственной комиссии по идентификации останков императора России Николая Второго и членов его семьи».

Националистическая риторика

Всеми тремя авторами демонстрируется в той или иной мере националистическая риторика, называемая ими патриотической**.** Такая риторика стандартна и привлекательна для любого читателя: Россию размывают, превращают русских в нацменьшинства, в мусорщиков, в обсуживающий персонал, женщин – в проституток и т.п. Интеллигенция разъезжается в Америку, Европу, Австралию, Израиль. Неминуема угроза гибели нации, языка, культуры, мы гибнем. Мастерски используются и безусловные топы – риторика обеспечения безопасности (кто против борьбы с преступностью на улицах?!), гордости за свою страну (всем гражданам свойственен патриотизм), декларация стремлений к повышению уровня жизни народа (кто же против этого возражает?!). Риторика также стандартна и весьма привлекательна: идея русской нации не для господства над другими народами, а для объединения, сплетения, сжатия, чтобы сохранить себя, чтобы остановить распад. Нас шельмуют, чернят.

Смысл «либералы – главный враг Носсии»

«В то же время Брагин быстро почувствовал враждебность для новой России и со стороны, четко обозначившейся к тому времени, как он говорит, «агрессивной стаи выразителей амбиций демшизы, не забывавшей при этом и о своих шкурных интересах»: Киселевых, Политковских, Любимовых, Митковых, Петровских, Малкиных, Черкизовых, Прошутинских...» (Г. Иванов о В. Брагине)

При порождении информации необходимо учитывать, что обработка информации подчиняется определенным когнитивным процессам. «Записанные в головах» схемы дают возможность опереться на них, срабатывают.

В своих исследованиях мы выделяем на основе анализа публицистических материалов некоторые вербальные стратегии дебатирования. Это обвинения, часто беспочвенные, отрицание, косвенное и прямое обвинение, насмешка, нападки, инсинуации, сравнения, арсенал аргументации, в том числе морального и ценностного характера. Характерно обыгрывание промахов соперника, цитирование и привлечение внимания к вербальным промахам. В ход идут негативные оценки соперника. Не удается избежать обвинений в передергивании. Характерны сложные, «национальные» аллюзии. Забота о простом рядовом человеке, среднем классе – превалирующий аргумент политиков. Постоянно производится

рекрутирование сторонников. Применяются обвинения в цинизме, политической близорукости, прочие эристические ходы.

Список литературы:

Абушенко В.Л. Феноменологическая социология // Новейший философский словарь. Сост. А. А. Грицанов. – Минск: Изд. В.М. Скакун, 1999.

Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.

Безбородов А., Елисеева Н., Шестаков В. Перестройка и крах СССР. 1985–1993. – СПб.: Норма, 2010. – 216 с.

Брагин В.И. Против течения (или Апология бывшего партократа КПСС). – СПб: Общество памяти игуменьи Таисии, 2011. – 976 с.

Леонов Н.С. Крестный путь России. 1991-2000. – М.: Русский Дом, 2002. – 528 с.

Леонов Н.С. Лихо-летье. – М.: Эксмо, 2005. – 480 с.

Рождественский Ю.В. Теория риторики. – М.: Добросвет, 1997. – 600 с.

Фроянов И.Я. Погружение в бездну. – СПб.: Алгоритм, 2001. – 528 с.

Бушев Александр Борисович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета (г. Тверь), alex.bouchev@yandex.ru